

# Ровесник Шекспира

**ВЕЛИКОГО** мыслителя Джордано Бруно сожгли. Великий поэт Торквато Тассо был заточен в дом для умалишенных. Галилео Галилея бросили в заточение. Гениального английского драматурга Кристофера Марло, их современника, убили агенты королевы Елизаветы Тюдор. Ему не было и тридцати лет.

Слава Шекспира заслонила Марло. Теперь его вспоминают чаще всего среди предшественников Шекспира. Подчас забывается и дата рождения Марло — тот самый 1564 год, когда родился и Шекспир. И в 1964 году юбилей Шекспира, конечно, затмит четырехсотлетнюю дату Марло, и это закономерно. Но накануне громких шекспировских дней уместно вспомнить о том, кто был зачинателем жанра трагедии в европейской литературе эпохи Возрождения.

Его жизнь и сама похожа на рукопись трагедии, многие листы которой вырваны чьей-то расчетливой рукой, многие стихи — вымараны. Сын сапожного мастера из Кентербери, оказавшийся в Кембридже и стяжавший там славу ученого и резкого малого, странник, бывавший в Европе с какими-то поручениями английской короны, собеседник сэра Уолтера Роли — поэт и мореплавателя, в свой черед сложившего голову на плахе, первый широко популярный драматург молодого английского театра, стяжавший громкую известность в те годы, когда театральный путь Шекспира еще теряется во мгле неясностей и догадок, — и такая блестящая бурная жизнь оборвана ударом кинжала!

Подумайте, как много в нем гордыни, хоть он простого угловатого сына, —

говорит в трагедии Марло «Парижская резня» французский герцог, закалывая ученого Рамуса. И эти слова звучат как эпитафия, при жизни сложенная поэтом для самого себя.

Человек из титанической породы подлинных сынов Ренессанса, Мар-

ло писал трагедии, полные захватывающего действия, дышащие острой мыслью и страстью, забрызганные кровью, озаренные пожарами. Жестокий и мужественный шестнадцатый век великолепно отразился в их грандиозных масштабах, в их искренней буйной риторике, в их ситуации. Герои Марло — одинокие гиганты, возвышающиеся над трусливыми и косными людьми, еще не пробудившимися от суеверий и рабства средневековья. Тамерлан — простой пастух, ставший великим полководцем, считает себя мстителем, ниспосланным свыше коварным, изнеженным и надменным владыкам Азии; но в приступе ярости Тамерлан зовет свои орды «в поход на небо», чтобы «истребить богов».

Еще великолепней Фауст, впервые введенный в мировую драматургию именно Марло: Фауст наделен ненасытной жадью знания, он отбрасывает старую средневековую лженауку, стремится к постижению самых сокровенных тайн природы, к обузданию ее сил. И Марло верит, что Фауст добьется этого!

Могущественный маг подобен богу.  
Итак, свой разум, Фауст, изощрай,  
стремясь божественной  
достичь власти!

Как далек этот властный мудрец, дающий оплеуху самому папе римскому, от чернокнижника Фауста! О его фокусах испуганно повествовала старая немецкая книга, из которой поэт почерпнул основу для своей трагедии. Марло любит Фауста именно потому, что видит в его силе торжество дерзания, возвышение нового человека.

Гуманизм эпохи Возрождения — великое явление, понятное и близкое нам. Поэтому мы чтим тревожное, героическое искусство Марло, полное ненависти к уже осужденному, но еще умевшему наносить смертельные удары старому миру, полное веры в неисчерпаемые духовные силы человека, сбросившего с себя оковы прошлого. В этой вере — пафос бессмертной поэзии Марло.

Р. САМАРИН